

КИЕВСКАЯ
Православная Духовная

Семинария **В. П. Родниковъ.**

194 г.

А-120
2396.

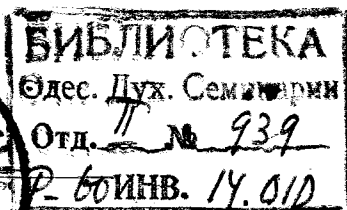
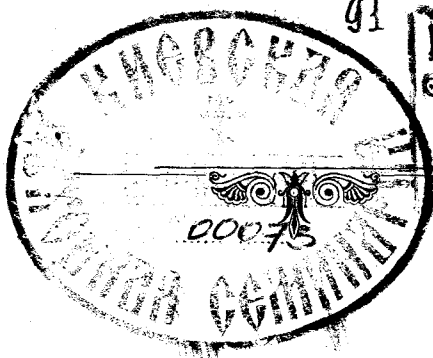
в. м. ж. 2396 Революции 4

КЪ ВОПРОСУ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ

I-ой Маккавейской книги.

Рѣчь предъ защитой магистерской диссертации на тему: „Первая книга Маккавеевъ. Исагогическое изслѣдованіе“.

К І Е В Ъ.

Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.

1907.

00073

Къ вопросу о происхожденіи 1 Маккавейской книги ¹⁾).

Греко-македонскій періодъ въ исторіи послѣдшаго іудейства, періодъ, въ теченіе котораго произошло столкновеіе двухъ великихъ культуръ іудейской и греческой,—этотъ періодъ почти всѣми его изслѣдователями одинаково считается періодомъ темнымъ, исторически мало уясненнымъ, а для изученія—сложнымъ и въ высшей степени труднымъ. Причина этого, говоритъ Лянгенъ, заключается въ самомъ предметѣ; явленій даннаго времени нельзя уяснить потому, что ключи отъ нихъ затеряны ²⁾. Такъ говоритъ ученый. Но наука, разумѣется, не можетъ мириться съ такимъ крайне мрачнымъ положеніемъ. Она извлекаетъ на свѣтъ Божій затерянные ключи, а незатерянные тщательно изслѣдуетъ, чтобы съ ихъ помощью проникнуть въ тайны прошлаго. Однимъ изъ такихъ ключей, могущихъ пролить нѣкоторый свѣтъ на исторію послѣдшаго іудейства, и является 1-я Маккавейская книга, составляющая предметъ моего сочиненія.

Изслѣдуя книгу, какъ священно-историческій памятникъ, памятникъ древне-еврейской письменности, я прежде всего долженъ былъ рѣшить вопросъ о происхожденіи книги,

¹⁾ Рѣчь предъ защитой магистерской диссертациі на тему: „Первая книга Мақкавеевъ. Исагогическое изслѣдованіе“.

²⁾ *Langen*, Das Judenthum in Palästina. 1886. S. 187.

Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“
1907 г., кн. 6

выяснить ее автора. Что касается имени автора книги, то его приходится считать навсегда утраченным и все известное в науке попытки назвать это имя слѣдуетъ признать неудачными. Но вопросъ объ авторѣ книги этимъ, разумѣется, не можетъ быть исчерпанъ. Для пониманія книги важно не столько имя автора, сколько его внутренній духовный обликъ—его отношеніе къ современнымъ ему движеніямъ іудейской народной мысли и жизни. Вопросъ объ авторѣ книги, такимъ образомъ, долженъ, по моему мнѣнію, соприкасаться, граничить съ вопросомъ о духовно-общественномъ развитіи послѣднѣннаго іудейства.

На этихъ двухъ вопросахъ въ указанномъ ихъ взаимоотношеніи я и имѣю въ виду сейчасъ остановиться.

Уже на первыхъ порахъ по возвращеніи изъ плѣна среди іудейскаго народа замѣчается рознь, внутреннее броженіе; броженіе на первыхъ порахъ, по-видимому, носившее характеръ чисто-экономическій. На одной сторонѣ, мы видимъ, здѣсь стоятъ богатые люди—„знатнѣйшіе и начальствующіе“, къ которымъ примыкаютъ и священники, и съ другой стороны—простой народъ. Первые, пользуясь своимъ богатствомъ и привилегированнымъ положеніемъ, всячески притѣсняютъ народъ, безжалостно эксплуатируя его, доводя до нищеты, до рабской закабаленности; а народъ, съ своей стороны, протестуетъ противъ своихъ притѣснителей. Наглядно и подробно картина такихъ отношеній нарисована въ кн. Нееміи: „И сдѣлался большой ропотъ въ народѣ и у женъ его на братьевъ своихъ іудеевъ... Говорили: насъ и сыновей нашихъ и дочерей нашихъ много; и мы желали-бы доставать хлѣбъ и кормиться и жить... (но) Поля свои, и виноградники свои и дома свои мы закладываемъ, чтобы достать хлѣба отъ голода... занимаемъ серебро на подать царю. У насъ такія-же тѣла, какія у братьевъ нашихъ, и сыновья наши такіе-же, какъ и ихъ сыновья; а вотъ мы

должны отдавать сыновей нашихъ и дочерей нашихъ въ рабы... Нѣтъ никакихъ средствъ для выкупа, и поля наши и виноградники у другихъ“... (Неем. V, 1—5). Возмутилось сердце Нееміи при видѣ такого беззаконія, и онъ „строго выговорилъ знатнѣйшимъ и начальствующимъ и сказалъ имъ: вы берете лихву съ братьевъ своихъ... не хорошо вы дѣлаете. И сказали они: возвратимъ и не будемъ съ нихъ требовать... И позвалъ я священниковъ и велѣлъ имъ дать клятву, что (и) они такъ сдѣлаютъ“ (Неем. V, 7—12).

Итакъ, какъ видимъ, въ іудейскомъ обществѣ идетъ разладъ между простымъ народомъ и высшими классами, или, выражаясь языкомъ нашихъ русскихъ лѣтописей, между „вѣщими“ и „меншими“ людьми. И послѣдніе съ буквальной точностью повторяютъ то, что вѣками мы слышимъ отъ притѣсняемыхъ классовъ.—„У насъ такія-же тѣла, какія тѣла у братьевъ нашихъ, и сыновья наши такіе-же, какъ ихъ сыновья, а между тѣмъ они блаженствуютъ, а мы умираемъ отъ голода“.

Вопросъ объ отношеніи къ язычникамъ-сосѣдямъ еще болѣе раздѣлилъ между собою два враждующіе класса. Часть іудеевъ завязала близкія сношенія съ окрестными иноплемениками, закрѣпленные даже брачными связями, и „рука знатнѣйшихъ и главнѣйшихъ, по свидѣтельству священника историка, была опять въ семъ беззаконіи первую“ (Ездр. IX, 1—2). Эти-же знатнѣйшіе далѣе обличаются въ томъ, что они въ своемъ увлеченіи сношеніями съ язычниками дошли до нарушенія субботы, производя въ этотъ день торговые операціи съ тирянами (Неем. XIII, 16—17; X, 31).

А когда іудейству пришлось столкнуться съ эллинизмомъ, высокая культура котораго дѣлала его вліяніе еще болѣе неотразимымъ—вопросъ объ отношеніи къ языческому міру сдѣлался еще болѣе острымъ. Кромѣ умѣренныхъ при-

верженцевъ языческой культуры, среди высшихъ классовъ появились теперь такіе усердные подражатели ея, которые въ своемъ увлеченіи языческими прелестями не сохранили въ чистотѣ даже своей вѣры. „Вышли изъ среды Израиля сыны беззаконные и убѣждали многихъ, говоря: пойдѣмъ и заключимъ союзъ съ народами, окружающими насъ. И нѣкоторые изъ народа отправились къ царю; и онъ далъ имъ право исполнять установленія языческія. Они установили у себя необрѣзаніе... и соединились съ язычниками и предались, чтобы дѣлать зло (1 Мк. I, 11—15). Эта измѣна братьевъ закону отцевъ должна была сильнѣе вооружить націоналистическую партію, которая должна была возненавидѣть и дѣйствительно возненавидѣла все чужеземное, какъ скверну, какъ мерзость. И если люди эллинистическихъ воззрѣній доходили, какъ видимъ, до крайности, то и націоналисты далеко не всегда были умѣренны. Многіе изъ нихъ въ этомъ отношеніи дошли до крайняго ригоризма, отшатнулись отъ жизни и на время замкнулись въ тѣсномъ кружкѣ. Это были асидеи.

На ряду со сказаннымъ, вторженіе эллинистическихъ началъ въ жизнь іудейства, затягивая его въ политику діадоховъ и эпигоновъ, давало новый поводъ къ внутренней гражданской розни. Эллинофильскіе круги стремились найти себѣ поддержку у Селевкидовъ (первосвящ. Менелай—2 Мк. V, 15—23), тогда какъ націоналисты терпимѣ относились къ владычеству египетскихъ Птолемеевъ, менѣе обнаруживавшихъ эллинизаторскія стремленія и щадящихъ религіозныя воззрѣнія своихъ подданныхъ.

Такимъ образомъ въ народѣ іудейскомъ постепенно формируются два направленія, двѣ партіи, соответственно двумъ главнѣйшимъ теченіямъ и въ зависимости отъ внутреннихъ броженій народной жизни. Неодинаковое отношеніе къ закону должно было окончательно раздѣлить эти два направленія.

Напрасно въ представителяхъ эллинофильской партіи мы стали-бы усматривать отступниковъ отъ закона. Конечно, изъ ихъ среды наилегче могли выйти тѣ сыны беззаконные, которые дошли до крайности, осквернивъ себя мерзостями языческими. Но про нихъ представители данной партіи могли только сказать: они отъ насъ, но не нашего духа. Въ цѣломъ-же, in concreto, эта партія не могла быть упрекаема въ измѣнѣ закону. Да было бы и странно думать иначе, когда мы знаемъ, что въ составъ этой партіи должны были входить первосвященники и священники—высшіе представители закона, лично заинтересованные въ томъ, чтобы законъ деспотически господствовалъ надъ народомъ. Простой-же народъ несомнѣнно тяготился гнетомъ закона и въ лицѣ своихъ болѣе сознательныхъ членовъ возставалъ противъ законнаго гнета, какъ возставалъ раньше противъ гнета знатныхъ людей. Изъ среды народа выдѣляются книжники—хаверы (סוֹפְרֵי), слово, которое по переводу изслѣдователей означаетъ „друзья народа“ (Volksgenossen)¹⁾. Желая быть, или по крайней мѣрѣ казаться, дѣйствительными друзьями народа и по собственному опыту зная, какимъ тяжелымъ бременемъ для народа является выполнение всей силы закона, эти народные сторонники стремились приспособить законъ къ требованіямъ жизни, перетолковать, измѣнить его. Въ этихъ цѣляхъ они восполняютъ писанный законъ, букву его отеческими толкованіями, создаютъ „ограду закона“ для удобнѣйшаго исполненія, а подѣ-часъ обхожденія его. Такъ какъ внѣшнее для исполненія легче, чѣмъ внутреннее, вся внутренняя глубина закона, то они для успокоенія совѣсти народа предлагали исполненіе хотя-бы внѣшнихъ предписаній. Это былъ, разумѣется, опасный путь. Въ силу своей первоначальной легкости внѣшнія предписанія заполнили собою всецѣло сознаніе іудея, отодвинули на задній планъ си-

¹⁾ Schürer, Gesch. d. j. V. Leipz. 1890. II, S. 333.

ду и духъ закона и, постепенно наслояясь, создали то средостѣніе, за которымъ не видно стало закона и которое еще болѣе тяжелымъ игомъ, чѣмъ самъ законъ, возлегло на рамена бѣднаго іудея. Это, повторяю, былъ опасный путь, но творцы его едва-ли сознавали это. Они настойчиво вели народъ по этому пути, постепенно создавая то положеніе, которое получило названіе фарисейства и которое обличено Спасителемъ: „горе вамъ, вожди слѣпые... что затворяете царство небесное человѣкомъ“ (Мѣ. XXIII, 13—16) ¹⁾.

Что же касается до противниковъ фарисейства—саддукеевъ, то не трудно видѣть, что они были порожденіемъ другого указаннаго раньше теченія, обнимавашаго высшіе классы. Лица этой партіи, какъ уже можно видѣть изъ предыдущаго, не смотря на свой антагонизмъ къ ревнителямъ законнаго благочестія—фарисеямъ, не были отрицателями закона. Они не могли только считать обязательными тѣ толкованія закона, въ которыхъ упражнялись фарисеи. Саддукеи, читаемъ у I. Флавія, совершенно отвергали всѣ наслоенія на законѣ, требуя обязательности лишь одного писаннаго закона и отрицая всякое значеніе устнаго преданія. При чемъ на сторонѣ саддукеевъ стоялъ лишь зажиточный классъ (εὐπόροισ), а не простой народъ (δυσποτοῖον), тогда какъ на сторонѣ фарисеевъ была чернь (πληθός) ²⁾.

¹⁾ Гретцъ, имѣя въ виду, что I. Флавій называетъ фарисеевъ усердными толкователями закона (μετ ἀκριβείας ἐξηγεῖσθαι τὰ νόμιμα—Bell. Jud. II, §) самое названіе ихъ—peru—Schim—производитъ отъ глагола שָׁרַף—изъяснять, излагать. Это названіе, по нему, указываетъ на главную функцію ихъ дѣятельности и выставляетъ ихъ именно, какъ толкователей закона—Gesetzes-Kündigen.—Graez. Gesch. V. III, S. 657. При такомъ пониманіи дѣла связь фарисеевъ съ хаверами становится особенно очевидной.

²⁾ Antiqu. XIII, 10, 6.

Изъ боязни злоупотребить вниманіемъ собранія я не рѣшаюсь прослѣдить сейчасъ весь тотъ логическій путь, слѣдуя по которому саддукейство постепенно развило всѣ черты своего ученія. Я считаю себя вынужденнымъ ограничиться лишь указаніемъ особенностей саддукейскаго ученія въ готовомъ видѣ, какъ оно устанавливается историческими памятниками и библейскою наукою ¹⁾.

Исходнымъ пунктомъ въ воззрѣніяхъ саддукейства является, какъ видно, ихъ приверженность къ *писанному* закону. Въ богословской литературѣ существуетъ предположеніе, что подъ отрицаемое саддукеями преданіе могли быть подведены и пророческія книги съ агіографами. Во всякомъ случаѣ у саддукеевъ замѣтно явное предпочтеніе, особенно въ вопросахъ догматики, Моисеевому Пятокнижію. Такое отношеніе саддукеевъ къ источникамъ вѣрученія могло сказаться уже въ ихъ отрицаніи потусторонняго мздовоздаянія: они видѣли, что Моисеевъ законъ обѣщаетъ награды и наказанія за исполненіе и нарушеніе закона только въ этомъ мірѣ. Отрицаніе потусторонняго мздовоздаянія привело саддукеевъ къ отрицанію и вообще потусторонняго существованія. Они отрицали не только воскресеніе мертвыхъ, но и вообще существованіе души за гробомъ.

Воинѣ естественно, поэтому, что саддукеи придавали очень большое значеніе свободной волѣ человѣка, которую считали главнымъ агентомъ человѣческой исторіи.

Здѣсь можно видѣть естественный переходъ къ новому пункту въ дальнѣйшемъ развитіи системы саддукеевъ—отрицанію ими чудеснаго промыслительнаго воздѣйствія Божества на судьбу людей. Не допуская возможности такого воздѣйствія Божества на судьбу міра, непосредственнаго или чрезъ посредниковъ—ангеловъ, саддукеи въ концѣ концовъ

¹⁾ Болѣе подробно объ этомъ см. мое сочиненіе „Первая книга Мацкавеевъ“, стр. 23—30.

пришли къ отрицанію и самага бытія послѣднихъ (Дѣян. XXIII, 8).

Отмѣченныя воззрѣнія саддукеевъ формулируются у I. Флавія такъ: „саддукеи совершенно отрицаютъ судьбу (ἀμαρτένῃ) и утверждаютъ, что Богъ не имѣетъ никакого вліянія на человѣческія дѣянія, ни на злыя, ни на добрыя. Выборъ между добромъ и зломъ предоставленъ вполнѣ свободной волѣ человѣка... Точно также отрицаютъ они безсмертіе и всякое загробное воздаяніе“¹⁾.

Своеобразный характеръ должны были принять и месіанскія ожиданія саддукеевъ. Будучи людьми большею частью обезпеченными, стоящими во главѣ управленія, саддукеи чувствовали себя не настолько худо, чтобы страдать отъ настоящаго положенія вещей и устремлять свои мечты въ будущее. Уже исходя изъ сказаннаго, можно съ увѣренностію предполагать, что месіанскія чаянія, съ которыми всегда связывалась мысль о коренномъ переворотѣ въ жизни избраннаго народа, не должны были особенно волновать саддукеевъ, какъ не волновали ихъ и чаянія эсхатологическія. Это предположеніе получаетъ еще большую силу, когда мы вспомнимъ отношеніе саддукеевъ къ источникамъ вѣроученія. Опираясь преимущественно на Пятокнижіе, саддукеи подобно самарянамъ, естественно должны были ожидать въ лицѣ Мессіи главнымъ образомъ только великаго Учителя и Пророка, равнаго по духовнымъ дарованіямъ и полномочіямъ великому законодателю Моисею и предсказаннаго симъ послѣднимъ (Ворз. XVIII, 15).

Что касается политическихъ и гражданскихъ воззрѣній саддукеевъ, то, какъ представители большею частью народной аристократіи, саддукеи выступаютъ поборниками идеи прочной государственной власти, къ которой они и сами

¹⁾ Bell. Jud. II, 8, 14.

стоять близко¹⁾; поэтому они являются вѣрными приверженцами асмонеискаго дома, а вмѣстѣ съ этимъ и первосвященническаго достоинства въ противоположность оппозиціонному отношенію къ асмонеямъ фарисеевъ. Вмѣстѣ съ асмонеискими вождями саддукеи не чуждались культурнаго общенія съ язычниками, а потому, въ противоположность фарисеямъ, были чужды національной фанатичности и нетерпимости къ другимъ народамъ. Но за то въ своей общественной дѣятельности и въ отношеніи къ своему народу они были всегда гордыми, строгими на судъ, почему и „не имѣли на своей сторонѣ народа“²⁾.

Въ какомъ же отношеніи стоитъ авторъ 1-ой Маккавейской книги къ двумъ современнымъ ему теченіямъ іудейской народной жизни? Отвѣтъ на это нужно искать въ содержаніи его книги.

Съ чувствомъ глубокаго негодованія рассказываетъ авторъ о тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ язычники подвергли іудеевъ, до глубины души возмущается онъ богохульствомъ и другими языческими мерзостями (I, 52—58; VII, 36—38). Еще большее негодованіе вызываютъ у автора тѣ отступники отъ закона изъ іудеевъ, которые „допустили у себя необрѣзаніе, и отступили отъ завѣта святаго и соединились съ язычниками и продались имъ, чтобы дѣлать зло“ (I, 11—15). Но говоря о врагахъ своего народа, авторъ не обнаруживаетъ столь свойственнаго древнимъ евреямъ національнаго фанатизма. Онъ не является узкимъ націоналистомъ, ненавидящимъ иноплеменниковъ только за то, что они иноплеменники и не хотящимъ видѣть у другихъ народовъ ничего

¹⁾ Намекъ можно видѣть въ I Мк. XI, 23: „и собралъ (Ионаанъ) совѣтъ изъ старѣйшинъ израильскихъ и священниковъ“... Изъ Древн. XIII, 10, 5—6, видно, что при дворцовыхъ приемахъ I. Гиркана саддукеи были обычными посѣтителями, тогда какъ фарисеи являются по исключительному приглашенію.

²⁾ Древн. XIII, 10, 6.

добраго¹⁾, онъ не скрываетъ и недостатковъ своего народа. (I, 11; XI, 69—70). Глубокая радость при созерцаніи дѣлъ своихъ героевъ и славы своего народа не увлекаетъ автора къ слѣпой ненависти противъ чужеземцевъ. Говоря объ Антиохѣ Епифанѣ—этомъ страшномъ гонителѣ іудеевъ, авторъ только разъ допускаетъ выразительную фразу—*οὐκ ἔμαρτο λόγος* (I, 10); между тѣмъ какъ во 2-ой Маккавейской книгѣ мы находимъ цѣлую главу, гдѣ авторъ не жалѣетъ мрачныхъ красокъ въ описаніи предсмертныхъ страданій Антиоха,—этого *нечестивца, гордца, мужеубійцы и хульника сквернаго* (2 Мк. IX). Что касается іудеевъ-измѣнниковъ, то и здѣсь автора возмущаетъ не столько то, что іудеи соединились съ язычниками, сколько цѣль этого соединенія— „дѣлать зло“—и его результаты—отступленіе отъ завета святаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ помянутыхъ отступникахъ автора возмущаетъ то, что они, призывая на Іудею сирскія войска (VII, 5—10), интригуя противъ народныхъ вождей и спасителей—Маккаевъ (VII, 6; IX, 58), являются *ненавистниками народа своего* (XI, 21).

Примѣчательно здѣсь и то, что, говоря о законѣ святомъ, авторъ по преимуществу выступаетъ приверженцемъ писаннаго закона. Онъ съ болью сердечной рассказываетъ объ уничтоженіи язычниками *книгъ закона* (I, 56)²⁾ и са-

¹⁾ Изъ книги видно, что авторъ не чуждается, по крайней мѣрѣ, лучшаго, что было въ эллинизмѣ. Можно упомянуть принятый авторомъ счетъ мѣсяцевъ—по эрѣ селевкидовъ, одобряющее отношеніе къ союзамъ іудейскихъ правителей съ языческими народами и проч.

²⁾ Сопост. XII, 9, гдѣ говорится, что іудеи въ своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ находятъ себѣ утѣшеніе *въ священныхъ книгахъ, что въ рукахъ ихъ*. Подъ книгами закона—*βιβλία τοῦ νόμου*—комментаторы книги, примѣнительно къ Исх. XXIV, 7; 4 Цр. XXIII 2 и 1 Мк. I, 57, разумѣютъ книги Моисеева Пятокнижія.—См. *Grimm. D. erst. Buch d. Mass. Leipz. 1853, S. 32.*

мое понятіе *любителя закона* связываетъ съ понятіемъ тѣхъ, у кого *находили книгу завета* (I, 57).

Далѣе, при чтеніи книги обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе въ ней теократическаго прагматизма. Божество здѣсь не выступаетъ на первый планъ въ чудесномъ влияніи на событія и оставляетъ мѣсто естественной зависимости и собственной человѣческой самодѣятельности. Богъ не возбуждаетъ непосредственно сердца и мужество героевъ, вступающихъ въ битву, какъ это мы видимъ у Ездры (VIII, 31), Нееміи (II, 20; VII, 5) и во 2-й Мак. книгѣ. Авторъ не приводитъ въ своей книгѣ ни одного чудеснаго случая. Самыя блестящія необыкновенныя побѣды іудеевъ объясняются у него не помощью свыше, а геройствомъ и тактичностью братьевъ Маккаевъ¹⁾.

Переходя къ характеристикѣ эсхатологическихъ и мессіанскихъ воззрѣній автора, мы прежде всего должны отмѣтить въ его книгѣ полное отсутствіе эсхатологической идеи. Писатель книги тщательно избѣгаетъ вопросовъ эсхатологическихъ; онъ не говоритъ ничего о загробной жизни, о загробномъ воздаяніи, хотя въ предсмертныхъ рѣчахъ героевъ книги (II, 49—68) а равно и словахъ по поводу ихъ смерти (XI, 19—21; XIII, 25—26) представлялся къ тому самый удобный случай. Напротивъ, въ этихъ рѣчахъ между

¹⁾ Побѣда Іуды надъ Горгіемъ, описанная въ 1-ой Мк. такъ: „И сошлись. И разбиты были язычники, и побѣждали по равнинѣ“ (IV, 14)—во 2 Мк. объясняется помощью свыше: „бывшу же имъ вседержителю споборнику“ (VIII, 24. 27). Побѣда надъ Лизіемъ, совершенная „напоромъ Іуды“ (1 Мк. IV, 35), во 2 Мк. приписывается чудесному появленію во главѣ іудейскихъ войскъ свѣтоносному всаднику, явившемуся по молитвѣ Іуды къ Богу „послать добраго Ангела ко спасенію Израиля“ (2 Мк. XI, 6. 8. 10). Пораженію Никанора по 2-ой Мк. предшествовало чудесное сновидѣніе Іуды, созерцавшаго Онію и прор. Іеремію—ходатая предъ Богомъ за народъ (XV, 11—16).

мотивами къ борьбѣ и терпѣнію совершенно недостаетъ этой надежды на воскресеніе, и мысль о потустороннемъ существованіи у героевъ книги почти совершенно исчезаетъ. Надежда на будущее воздаяніе здѣсь совершенно устраняется мыслию о земномъ благополучіи и славѣ въ потомствѣ. Награды, на которыя указываетъ умирающій Маттаіаія, суть главнымъ образомъ посюстороннія: „помните дѣла отцовъ вашихъ и получите славу великую и имя вѣчное“ (II, 51—64).

Что касается мессіанскихъ ожиданій, то они, хотя и слабо, но все же намѣчаются въ книгѣ, главнымъ образомъ сводясь при этомъ къ ожиданію обѣтованнаго пророка. Этотъ „пророкъ вѣрный“ придетъ и станетъ во главѣ народа, сдѣлавшись вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшителемъ всѣхъ его богослужебныхъ недоумѣній (IV, 46; XIV, 41).

Наконецъ, здѣсь важно обратить вниманіе на отношенія автора книги къ дому Асмонеевъ. Онъ является горячимъ приверженцемъ этой фамиліи, этого *рода мужей, рукою которыхъ Израиллю дано было спасеніе* (V, 62; XVI, 2). Въ этой любви и преданности Асмонеямъ находитъ свое высшее проявленіе его любовь и преданность отечеству, имѣющая у него главнымъ образомъ политическую основу. Между тѣмъ, какъ позднѣйшее палестинское преданіе большею частью игнорируетъ Асмонеевъ и даже упоминаетъ о нихъ въ порицательномъ смыслѣ¹⁾, а фарисеи, въ частности, и открыто выступаютъ рѣшительными противниками Асмонеевъ,—авторъ книги по преимуществу является государственнымъ историографомъ асмонеической династіи.

Въ связи съ такимъ отношеніемъ автора къ асмонеическому дому, стоятъ его отношенія къ носителямъ и представителямъ первосвященническаго достоинства. Отношенія

¹⁾ См. Thaanith 4, 5. Сопост. Псал. Сол. I, 8; II, 13; VIII, 12. 15.

эти носятъ характеръ высшей степени почтительности. Авторъ обходитъ глубокимъ молчаніемъ тѣ инциденты, роняющіе первосвященническое достоинство, которые имѣли мѣсто при сирскомъ владычествѣ и о которыхъ подробно говоритъ Вторая Макк. книга (III—V).

Все сказанное и заставляетъ меня выступить съ предположеніемъ того, что авторъ книги по своимъ политическимъ симпатіямъ и религіознымъ убѣжденіямъ близко подходитъ къ партіи саддукейской. Конечно, саддукейство ко времени написанія книги не могло еще развиться окончательно и сказаться въ книгѣ со всею рельефностью, но, во всякомъ случаѣ, саддукейское направленіе мыслей автора книги, по моему мнѣнію, несомнѣнно. И съ тѣмъ большею смѣлостью я рѣшаюсь защищать это предположеніе, пользуясь имъ, какъ гипотезой, многое освѣщающей въ исагогикѣ изучаемой книги, я пока не столкнулся съ серьезными отрицательными инстанціями, неблагоприятствующими этой гипотезѣ.

